

ОТЗЫВ

**официального оппонента доктора экономических наук, профессора
Тимофеевой Галины Владимировны на диссертацию
Розинской Наталии Анатольевны
на тему «Институциональные особенности развития аграрного сектора
в Российской империи: вторая половина XIX – начало XX века»,
представленную на соискание ученой степени доктора экономических
наук по специальности 5.2.1. Экономическая теория**

Актуальность темы исследования обоснована тем, что аграрный сектор играл ключевую роль в экономике Российской империи, и понимание институциональных особенностей, динамики процессов, которые имели место в этот период в аграрной сфере, позволяет глубже осмыслить логику модернизационных процессов, происходивших в стране на рубеже веков и происходящих в настоящее время. Тема диссертационного исследования представляется достаточно актуальной в контексте растущего интереса к институциональной истории и переосмыслению модернизационных процессов в аграрном секторе экономики России.

Несмотря на наличие большого количества исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных различным аспектам институциональных изменений, которые осуществлялись в аграрном секторе Российской империи, многие вопросы продолжают сохранять свою остроту и дискуссионность. Применение современных методов исследования этих вопросов позволяет получить новые, интересные результаты, что также подтверждает актуальность темы диссертационного исследования.

Общая характеристика и структура диссертации. Рассматриваемая диссертация включает титульный лист, содержание, введение, пять глав, заключение, список терминов, список литературы, состоящий из 507 источников, 11 приложений, что соответствует предъявляемым требованиям. Объем работы 426 с. Диссертация содержит 24 рисунка и 64 таблицы.

В первой главе *«Теоретические основы исследования»* (с. 23–101) проводится рассмотрение теоретических концепций, посвященных вопросам перехода от традиционного общества к «обществу современного экономического роста», институциональной специфики развития и трансформации аграрного сектора, завершенности/незавершенности аграрной революции в России; историографии работ, в которых представлены характеристики крестьянских хозяйств и вопросы влияния экспорта зерна на экономическое развитие в исследуемом периоде. Следует отметить широту, подробность и высокое качество представленного в п.1.1 обзора отечественной и зарубежной литературы по теме исследования (с. 23–75). Автор корректно соотносит изучаемые явления с более широкими социально-экономическими трансформациями, происходившими в нашей стране в указанный период.

Далее, автор в п.1.2 представляет концепцию «институционального конструктора», с помощью которой объясняет различия между традиционным и современным обществом, связанные с конфигурацией и взаимодействием «институтов стабильности» и «институтов развития» (с. 75–94).

Завершается первая глава характеристикой статистической базы исследования: классификацией источников статистических данных, обоснованием их надежности (с. 94–101).

Во второй главе *«Исторический опыт перехода от традиционного общества к обществу современного экономического роста: институциональные страновые особенности»* (с. 102–163) проанализированы данные, характеризующие процессы модернизации, которые происходили в XIV–XVI вв. под влиянием «институтов развития» в разных странах: относительно успешно в Голландии и Англии (с. 102–127) и менее успешно в Португалии и Испании (с. 128–143) (пп. 2.1, 2.2). Автор использует предложенные Д. Нормом, У. Ростом, Р. Эдвардсом и др., критерии перехода от традиционного к современному обществу, такие как уровень урбанизации и уровень коммерциализации аграрного сектора для оценки процессов, происходивших в рассматриваемых странах (с. 108–109). В работе делается вывод о произошедших под влиянием институтов развития в Голландии и Англии аграрных революциях в XV–XVIII вв., и о том, что «модернизация

начинается в аграрном секторе» и формирует условия перехода к современному обществу (с. 127).

В п. 2.3 проведен анализ эволюции отношений собственности на землю в России до и после 1861 г. Представлены институциональные особенности проводимых Петром I реформ и других преобразований в отношении прав собственности на землю и формирования общинной собственности, специфика соотношения прав в пучке прав собственности на землю крестьянских хозяйств.

В третьей главе *«Переход России от традиционного общества к обществу современного экономического роста на рубеже XIX–XX вв.»* (с. 164–218) автор рассматривает основные этапы модернизации, пройденные страной от петровских реформ до начала Первой мировой войны, и критерии, характеризующие параметры перехода к современному обществу на основе обзора работ П. Грегори применительно к промышленности (с. 169–176).

Далее, в работе анализируются показатели развития сельского хозяйства в исследуемый период и критерии перехода к современному обществу, применительно к аграрному сектору (с. 176–185), на основании чего делается вывод «отличный от того, который сделали Гайдар и Грегори — Россия не перешла в исследуемый период к обществу современного экономического роста» (с. 185).

В п. 3.2 проверяется соответствие институциональным критериям завершенности аграрной революции/аграрного переворота в дореволюционной России в региональном аспекте (с. 185–201). В качестве таких критериев рассматриваются: «оформление четких прав собственности на землю», «развитие на этой основе относительно свободных рынков земли и рабочей силы», технологический «переход к плодосеменному севообороту от традиционного трехполья и интеграция растениеводства с животноводством» (с. 186). Также автор анализирует соответствие критерию коммерциализации аграрного сектора на основе оценки уровня урбанизации и развитости финансово-кредитной деятельности (с. 196–202).

В п. 3.3 рассматривается технологический критерий «перехода от традиционного трехполья к плодосеменному севообороту» и «увеличения

доли животноводства» в общем объеме сельскохозяйственной продукции. Представлены результаты исследования А.Н. Челинцева, Н.П. Огановского и А. Маркевича (с. 202-211). Делается вывод по главе о незавершенности аграрного переворота в Российской империи (с. 216).

Четвертая глава диссертации *«Спрос на зерно и институциональные особенности российского аграрного сектора»* посвящена рассмотрению влияния экспорта зерна на модернизацию экономики дореволюционной России (с. 219–288) путем проверки, с использованием эконометрических моделей и подходов, гипотезы А. Гершенкрона, который оценивал это влияние положительно (с. 228-243). Результаты анализа показали наличие отрицательной связи между экспортом зерна и ростом промышленности, что интерпретировалось автором как проявление феномена «ресурсного проклятия» (с. 243–252).

В п. 4.2 диссертант исследует факторы возможного положительного влияния экспорта зерна на рост промышленности (организация торговли зерном; особенности формирования и использования доходов от продажи зерна; особенности потребления крестьян) (с. 252–260). Также рассмотрена специфика внутренних миграционных процессов в дореволюционной России, которая состояла в том, что крестьяне переезжали не в города, а на другие свободные земли (с. 261–268).

П. 4.3 посвящен проверке гипотезы, высказанной Н.Д. Кондратьевым, об инерционности крестьянских хозяйств и поддержанной А.В. Чаяновым, на основе данных до и после Столыпинской реформы (с. 269-272). Используются данные на уровне 50 губерний Европейской России, обработка которых осуществлялась с применением экономико-математического моделирования, вначале для проверки гипотезы о разном поведении крестьян и помещиков в ответ на рост цен на зерно (с. 273–281). Затем на поуездных данных Херсонской губернии анализировалась гипотеза об инерционности крестьянских хозяйств с применением методики эконометрического моделирования (с. 282–288). На основании чего автором был подтвержден вывод о том, что «в дореволюционной России еще не произошел аграрный переворот» (с. 288).

Пятая глава *«Институциональные особенности социально-экономического развития России: анализ крестьянских домохозяйств»* посвящена исследованию поведения отдельных крестьянских домохозяйств некоторых губерний европейской и неевропейской части Российской империи и уездов с целью оценки их уровня модернизации и встроенности в рыночные отношения после начала реализации Столыпинской реформы и до начала Первой мировой войны (с. 289-353).

Основные показатели начала процесса модернизации, по которым проводилась оценка с использованием эконометрических методов, включали: «увеличение травосеяния, использование удобрений, развитие животноводства, рост механизации и капиталовооруженность» (с. 294–299). Встроенность крестьянских хозяйств в рыночные отношения исследовалась по уровню товарности, который оказался достаточно низким (с. 300–301).

Для проверки гипотезы завершенности/незавершенности аграрного переворота предполагалось проанализировать рост эффективности в сельском хозяйстве в исследуемый период (с. 302–305) путем оценки влияния выбранных детерминант (это переменные, характеризующие оснащенность, уровень модернизации и размер хозяйства). Установлено, что «помимо размера хозяйства (площадь обрабатываемой земли) и стоимости инвентаря, на эффективность влияют такие факторы, как доля грамотных и товарность хозяйства» (с. 305). Анализ динамики эффективности не представлен.

Была проанализирована структура потребления крестьянских домохозяйств (с. 305–309), подтверждено, что «в России уже в начале XX в. основная доля дохода тратилась на хозяйственные нужды и на питание» (с. 309).

В п. 5.2 охарактеризованы факторы, влиявшие на дифференциацию крестьянства в рассматриваемый период, разделенные автором на две группы: способствующие дифференциации (развитие рыночных отношений, запрет на выход из общины, Столыпинская реформа) и сглаживающие неравенство (община, политика правительства, «органические» изменения в крестьянском обществе) (с. 310–321).

Для проверки гипотезы завершенности/незавершенности аграрного переворота был рассчитан индекс Джини по исследуемым регионам, результаты показали «достаточно высокую степень неравенства» (с. 321–325). Также был проведен кластерный анализ, подтвердивший сделанный вывод о расслоении крестьянства (с. 325–330). Для оценки неравенства в Симбирской губернии были рассчитаны индекс Джини и децильный коэффициент дифференциации (с. 334–338).

В п. 5.4 автор исследовал влияние аграрной реформы П.А. Столыпина на дифференциацию крестьянских хозяйств (с. 339-353), отмечая резкое ускорение процесса дифференциации после начала столыпинской реформы в 1906 г.

Анализ содержания диссертации Н.А. Розинской показывает, что поставленные цель и задачи, в целом, достигнуты. Работа представляет собой завершенное исследование, позволяющее конкретизировать такие институциональные особенности развития аграрного сектора Российской империи во второй половине XIX в. – начале XX в., как трансформацию базовых институтов аграрной сферы (общины, собственности), устойчивость формальных норм (традиций, системы ценностей крестьянства), отсутствие сбалансированности институтов стабильности и институтов развития.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна

Обоснованность и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций оцениваются как достаточные. Полученные выводы являются результатом изучения трудов отечественных и зарубежных исследователей по проблемам развития аграрного сектора Российской империи и его институциональных особенностей.

Достоверность результатов исследования подтверждается также наличием публикаций Н.А. Розинской в рецензируемых научных изданиях, участием автора в международных научных конференциях. По теме диссертации опубликовано 25 работ, в том числе 15 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете

МГУ имени М.В. Ломоносова. Две базы данных статистических показателей зарегистрированы Патентным ведомством России.

Личный вклад автора в разработку поставленной научной проблемы подтверждается полученными основными выводами и результатами диссертационного исследования, которые содержат в себе элементы научной новизны и по своему содержанию соответствуют поставленным цели и задачам.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования. Работа автора характеризуется оригинальностью подхода к исследованию известных в экономической истории фактов, феноменов и данных по развитию аграрного сектора Российской империи в период второй половины XIX – начала XX века и элементами научной новизны. Соискательницей были применены современные подходы и методы к изучению данного этапа развития аграрного сектора России, институциональной специфики и форм ее проявления в аграрной сфере.

Научная новизна выводов и положений диссертации в области экономической теории (5.2.1) определяется, по нашему мнению, следующими положениями:

1. Выявлен ряд важных институциональных особенностей развития аграрного сектора экономики России в конце XIX — начале XX века, таких, как трансформация базовых институтов аграрной сферы (общины, собственности), устойчивость формальных норм в жизни крестьянства (традиций, системы ценностей), отсутствие сбалансированности институтов стабильности и институтов развития (с. 361).

2. В дополнение к известным критериям классификаций институтов предложен критерий «влияние института на устойчивость институциональной системы», что позволило предложить в качестве методологического подхода идею и логику «институционального конструктора/пазла», в котором различные способы и варианты сочетания «институтов стабильности» и «институтов развития» определяют содержание и различия социально-экономических систем и находятся в динамическом взаимодействии (с. 75–94).

3. Систематизированы в хронологической последовательности реформационные процессы, правовые акты и документы, оказавшие влияние на эволюцию прав собственности на землю в Российской империи с 1624 г. по 1906 г., что позволило выявить особенности реализации таких элементов пучка прав собственности, как владение, пользование и распоряжение землей крестьянством в рассматриваемый период (с. 145-163).

4. Впервые автором применены эконометрические инструменты для анализа материалов из различных источников, включая земские подворные и бюджетные переписи и статистические сборники 1920-х годов, а также оцифрованы данные, не использовавшиеся ранее для количественного анализа.

5. Проведен регрессионный анализ, в частности, построена несимметричная авторегрессионная динамическая модель (ARDL), для выявления связи между экономическим ростом и рентой от экспорта зерна, которая оказалась значимой отрицательной, что позволило обосновать применимость термина «ресурсное проклятие» к ситуации в дореволюционной России (с. 231–245).

6. С помощью эконометрических методов, в частности, динамической модели Ареллано — Бонда (метод обобщенных моментов для панельных данных), была подтверждена гипотеза Чаянова — Кондратьева об инерционности (нерыночном поведении) крестьянских хозяйств на основе оценки рыночной реакции крестьян на изменение цен на зерно (с. 273–281).

7. Выявлено наличие и воспроизводство неформальных институтов (система ценностей крестьян, мотивация крестьян), которые дестимулировали крестьян увеличивать количество труда при росте цен на производимые ими товары (с. 305–309).

8. Выявлены институциональные факторы влияния на дифференциацию крестьянства: способствующие дифференциации (развитие рыночных отношений, запрет на выход из общины, Столыпинская реформа) и сглаживающие неравенство (община, политика правительства, «органические» изменения в крестьянском обществе). Доказано, что количество наделных земель выступало значительным фактором,

сдерживающим процессов расслоения. С помощью статистического и регрессионного анализа установлено значительное ускорение процесса расслоения российских крестьян в период после столыпинской аграрной реформы (с. 310–321).

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования. Полученные автором диссертации результаты обладают теоретической и практической значимостью. *Теоретическая значимость исследования* заключается в актуализации, обобщении и обработке с использованием широкого спектра современных методов значительного массива данных и материалов из различных источников, сосредоточенных в трудах экономистов, историков, статистиков и других отечественных и зарубежных ученых, рассматривавших развитие аграрного сектора экономики Российской империи в период второй половины XIX – начала XX века, что позволило создать объективное представление о данном этапе развития аграрного сектора в Российской империи и его институциональных особенностях. Результаты изучения институциональной специфики развития аграрного сектора в Российской империи дополняют существующие исследования по экономической истории России и по экономической аграрной истории страны.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования системно представленных в диссертации данных и материалов различных источников при проведении дальнейших исследований по экономической истории России, истории аграрного сектора и истории модернизации России, подготовке научных публикаций и в учебном процессе.

Наряду с отмеченными положительными моментами и достоинствами диссертационного исследования, необходимо обратить внимание на ряд **дискуссионных аспектов и замечаний:**

1. Диссертационному исследованию, по нашему мнению, не хватило более высокого уровня абстрагирования, обобщения всего богатого информационного материала, который представлен в работе. Автор выдвигает в качестве связующей идею завершенности/незавершенности аграрного

переворота в Российской империи, предлагая использовать следующие критерии (с. 186): институциональные («оформление четких прав собственности на землю») (с. 190-195), экономические («развитие относительно свободных рынков земли и рабочей силы», «коммерциализация аграрного сектора») (с. 196-201), технологические («переход к плодосеменному севообороту от традиционного трехполья и интеграция растениеводства с животноводством») (с. 202-207).

Но далее, эти критерии претерпевают не всегда достаточно аргументированную модификацию, например, критерий «интеграция растениеводства с животноводством» (с. 186) трансформируется в критерий «увеличения доли животноводства» в общем объеме сельскохозяйственной продукции, дополняются новыми параметрами и формулировками: появляются показатель «роста продукции сельского хозяйства в 2 и более раз» (с. 207); «критерии модернизации экономики дореволюционной России» (с. 219-288); «показатели начала процесса модернизации» (с. 294-299); «встроенность крестьянских хозяйств в рыночные отношения» (с. 300-301); «структура потребления крестьянских домохозяйств» (с. 305-309); «дифференциация крестьянства» (с. 310-321). Все это ослабляет логическую целостность и системность исследования, затрудняет понимание проблемы, которую решал автор своим исследованием.

2. В расчете, результаты которого представлены в таблице 4.1 (с. 233), неудачно измерена переменная «Import», из-за чего и коэффициенты, и стандартные ошибки для всех рассматриваемых лагов «Import» оказались строго равными 0. Целесообразно было бы перед оцениванием регрессии разделить «Import» на какое-то большое число, чтобы получить в таблице 4.1 интерпретируемые значения коэффициентов и стандартных ошибок (не равные 0).

3. К расчету зависимости посевной площади от цены (таблица 4.17, с. 280 и таблица 4.18, с. 281) возникло содержательное замечание. Аргументы соискательницы по поводу того, что в качестве зависимой переменной для крестьян нужно брать посеvy ржи, а для помещиков – пшеницы, кажутся нам сомнительными. Из таблицы 4.16, с. 278, в которой приведены данные по

России в целом, следует, что и у крестьян, и у помещиков посевы ржи значительно больше, чем посевы пшеницы, то есть принципиальных различий в выборе культур между ними нет (хотя доля посевов пшеницы у помещиков действительно выше, чем у крестьян, но основной зерновой культурой и у помещиков тоже является рожь). Поэтому зависимые переменные в моделях следовало определять одинаково, что обеспечило бы лучшую сопоставимость результатов.

Кроме того, в качестве объясняющих переменных логичнее было бы использовать не цены на только рожь или только пшеницу, но или относительные цены (пшеницы к ржи), или цены на все рассматриваемые зерновые. Крестьяне же при росте цен на рожь могли сеять больше пшеницы, потому что их доходы выросли, и они могли позволить себе потреблять больше пшеницы, что вполне рационально, как и увеличение посевов пшеницы помещиками при росте цен на пшеницы (автор же трактует поведение крестьян как нерыночное).

4. Механически повторять расчеты, проведенные на всероссийских данных, с использованием данных по Херсонской губернии (с. 284–287), считаем не вполне логично. В условиях Херсонской губернии и помещики, и крестьяне сеют намного больше пшеницы, чем ржи (таблица 4.19, с. 284). Этим Херсонская губерния существенно отличается от России в целом. И поэтому выбор в качестве зависимой переменной для крестьян площади посевов ржи (которую они сеют и потребляют намного меньше, чем пшеницу) выглядит неубедительно.

5. На с. 330 не совсем понятно, как получен вывод, что «в других регионах можно выделить более трех групп, что отчасти подтверждает гипотезу Чаянова о сложной структуре крестьянского общества». В предшествующих расчетах метод силуэтов выделил 2 или 3 кластера во всех рассматриваемых регионах, нигде более 3 кластеров выделено не было.

6. Также необходимо прокомментировать причины расхождений результатов тестирования влияния столыпинских реформ на зависимость посевной площади от цены (таблица 4.17, с. 280) и дифференциацию крестьян (таблица 5.20, с. 352). Соискательница отмечает, что столыпинские реформы

увеличили неравенство крестьян, но не повлияли на их рыночное поведение (выбор того, какую зерновую культуру сеять при изменении цены). Но логично ожидать, что те крестьяне, которые лучше адаптировались к рынку, стали получателями более высоких доходов и увеличили площади своих посевов. Тогда дифференциация и более выраженная реакция на рыночные стимулы должны наблюдаться одновременно. Но диссертант не поясняет, почему этого не наблюдается.

7. Хотелось бы уточнить: (а) какого подхода придерживается сам автор при определении аграрной революции: технологического, социального или экономического (с. 50), или какого-то еще; (б) чем обусловлен выбор характеристик крестьянских хозяйств (эффективность крестьянских хозяйств, инертность и уровень дифференциации) и чем аргументирован (с. 53); (в) по какому принципу к институтам отнесены «эффективная система управления государственным долгом, развитый внутренний рынок, высокоэффективное сельское хозяйство, диверсификация экономики» (с. 104); (г) что автор понимает под «интеграцией растениеводства и животноводства» (с. 186)?

Однако, в целом, диссертация Н.А. Розинской - очень сильная и профессиональная работа, содержит теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в развитии экономической истории и экономической аграрной истории, институциональных исследований в аграрном секторе; содержит перспективные направления дальнейших исследований и решений поставленных дискуссионных вопросов.

Высказанные замечания и дискуссионные вопросы носят преимущественно рекомендательный характер и не влияют на положительную итоговую оценку работы.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова

Автореферат диссертации в полной мере соответствует ее содержанию, отражает личный вклад соискателя и полученные автором научные результаты, степень новизны и практическую значимость этих результатов. Публикации

соискателя достаточно полно отражают основные научные положения диссертации, выводы и рекомендации автора.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.2.1. Экономическая теория (по экономическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Розинская Наталия Анатольевна заслуживает присуждения ей ученой степени доктора экономических наук по специальности 5.2.1. Экономическая теория.

Официальный оппонент:

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»,
Институт государственной службы и управления,
факультет государственного управления экономикой,
и.о. декана факультета; кафедра экономики
и финансов общественного сектора, профессор
Тимофеева Галина Владимировна

«02» июня 2025 г.

Контактные данные:

тел.: 8 (499) 956-94-18,
e-mail: timofeeva-gv@ranepa.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 08.00.01.
Экономическая теория

Адрес места работы: 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1